

Глава 252. Все мы – семья. Соблазн? Ошейник.

«Просто я беспокоюсь о тебе, чего непонятного? Ты мне покоя не даешь. Вода в озере может быть очень чистой, однако если топиться в нем, то получается очень мучительно....»

«Пфффффффффффффффффф»

Увидев улыбку на лице богини, Цин Шуй замер, он и не ожидал, что когда-нибудь еще ему выпадет возможность полюбоваться ее улыбкой. Она была прекраснее самых красивых вещей на свете. Ее смех был уникальным, не таким, как голос Хоюнь Лю-Ли соблазнительным с хрипотцой, и не таким высокомерным, как у Ие Цзяньэ. Ее голос был чем-то между, с нотками уникального магнетизма. Отведя от него взгляд, Цанхай Миньюэ сказала кокетливо: «Только и умеешь, что всякую чушь пороть».

Цин Шуй был вне себя от радости. Наконец-то ее эмоции расслабились, постоянное беспокойство было не только бесполезным, но и опасным для здоровья. Она вышла к озеру только для того, чтобы не беспокоить своим настроением родителей.

«Пойдем, пора обедать. А то они пойдут нас искать», тихо сказала она и посмотрела на Цин Шуя, который не мог отвести от красавицы радостных глаз. Ей нравилась его улыбка. Она была так похожа на улыбку ее отца.

Супруги Цанхай, увидев их дочь вдвоем с Цин Шуем, тоже обрадовались, что их взаимоотношения снова обрели гармонию. Хоюнь Лю-Ли и вовсе всегда была рада видеть Цин Шуя. Цанхай видел в Цин Шуе тень себя молодого, хотя он понимал, что Цин Шуй обладал более выдающимися способностями. Что важнее всего, он был умен и проворен, мог видеть вещи насквозь, не как большинство людей его возраста. А имея дело с проблемой, он оставался спокойным, следя за каждым своим движением. Он был очень загадочным. Цанхай бы хотел увидеть, как высоко вскарабкается этот парнишка в будущем.

«Старейший, я бы хотел переехать к вам обратно», сказал Цин Шуй по окончании обеда. Все удивленно посмотрели на него.

«Этот дом – твой дом, делай что хочешь. Мы очень надеемся, что ты поживешь еще здесь», с улыбкой сказала Цанхай Миньюэ. Ее доброжелательный тон и теплые слова привели Цин Шуя в полный восторг. После того, как он отошел от первоначального шока, конечно!

«Никто не трогал твою комнату. Пойдем, мы поможем тебе застелить постель!» Цанхай Миньюэ потянула Хоюнь Лю-Ли за рукав.

Цин Шуй последовал за девушками, все недоумевая, что повлияло на такие изменения в поведении Миньюэ. Однако его ожидал холодный душ:

«Не разбегайся там особо в своих мечтах. Я просто выражаю благодарность за поддержку».

Цин Шуй рассмеялся, его ясные глаза смотрели на Цанхай Миньюэ, не моргая, заставляя ее еще больше смутиться. Сказав свои слова, она быстро отвернулась и заспешила вперед. Она понимала, что эти невинные прекрасные глаза станут когда-то ей возмездием. Она уже сожалела о сказанном, потому что чувствовала, будто предает себя и неуклюже отрицает то, что на самом деле происходит в ее душе.

Тут Цин Шуй и вовсе расхохотался раскатисто, так, что Цанхай Миньюэ опять пала духом.

Комната Цин Шуя была чистой, без единой пылинки. Девушки прошли в спальню и поменяли постель. Глядя на их склонившиеся прекрасные фигуры, Цин Шуй чувствовал довольство собой и, конечно же, пошлые мысли опять заполнили его голову. Когда он сможет, наконец, остепениться и построить уютное гнездышко с прекрасной женщиной? В будущем они бы завели детей, было бы настоящим благословением баловать и играть со своими карапузами. Тут он вспомнил о своей помолвке с Ши Цинчжуан. Если бы они поженились, нашли теплое местечко, родили бы ребенка, разве не прекрасно было бы жить им втроем? А может и еще ребятишек завели бы... Однако вскоре в его памяти всплыло испуганное выражение лица его матери. Чувство беспомощности мучило его. Быть разлученной с собственной кровью и плотью было настоящей агонией. Потом ему вспомнилась упряmica на улице Города Ян. Та девушка, до боли похожая на его мать. Он видел ее собственными глазами, слышал ее голос, он бы уверен, что это она, но ничего пока не мог поделать.

Встряхнув головой, Цин Шуй решил, что нужно прекратить думать обо всех этих делах, пока не нарастит достаточно силы, иначе так недолго и с ума сойти. Подняв голову, он увидел своих подруг, стоящих перед ним, смотрящих на него теплыми глазами, как летнее солнышко, что ласкает лица прохожих.

«Цин Шуй, не думай ни о чем. Все будет хорошо», сказала Хоюнь Лю-Ли, зная, что он опять думает о своих несчастьях.

«Все в порядке, просто разбежался в своих мечтах...» спокойно сказал Цин Шуй и протянул два листка бумаги своим спутницам.

На листочках он подробно расписал методы культивации от Галопа Оленя до Формы Журавля. Он также изложил свои замечания и мысли по поводу. Это позволит им найти нужный путь к этим формам в максимально короткие сроки. Он хотел, чтобы они смогли поднять свой уровень культивации, насколько это было возможно, ведь совсем скоро их ожидали особые события. Цанхай Миньюэ оторопела, прочитав эти рецепты. Хоюнь Лю-Ли бегло просмотрела записи и сердечно поблагодарила Цин Шуя. Она с одного взгляда уловила суть Галопа Оленя, понимая, что эта форма поможет поднять ее уровень. Сначала она нахмурилась, читая листок, потом ее лицо быстро просветлело, и она радостно закивала головой.

«Ах, да! Спасибо за сапоги», сказала Миньюэ.

Цин Шуй ухмыльнулся и ответил: «Хватит церемоний, разве мы не одна семья?»

Миньюэ: «...»

Хоюнь Лю-Ли сверлила взглядом Цин Шуя, источая соблазнительное очарование, которое пробирало его до самых костей. Ему пришлось бороться с желанием схватить ее и повалить, сжимая ее прекрасную мягкую грудь. Он намеренно облизывал губы, глядя на нее, хотя, если честно, это было единственное бесстыжее движение, которое он знал! Это всегда работало с Цанхай Миньюэ, приводя ее в замешательство. Но не тут-то было. Хоюнь Лю-Ли, вместо того, чтобы смутиться, выставила свою грудь вперед и тоже облизала свои губы кончиком тонкого розового языка. Тут Цин Шуя чуть кровью не вырвало. Что?! Он не знал, что делать. Если бы Цанхай Миньюэ не было рядом, он бы воспринял это, как руководство к действию. Девчонка-то играла с огнем! Однако тут ему пришлось придержать себя. Что же ему еще оставалось?

«Днем пойду в кузницу. Можете пока тренироваться по моим рецептам. Вам пока нужно только ознакомиться с тем, как и где можно применять эти методы». Цин Шуй постепенно собрался с мыслями и решил, что лучше ему ретироваться на время.

Добравшись до колокольчика, потрясающего души, Цин Шуй решил, что не станет тратить время впустую, ни единой минутки. Он надеялся, что однажды ему выпадет шанс заполучить какой-нибудь особенный предмет, навроде Машины Времени или прибора для телепортации. Если бы это случилось, то им бы даже не пришлось оставаться в этом городе, не планировать пути отступления.

В кузнице Цин Шуй проверил, как идут дела у Ху Ю и его Формы Тигра. Он хотел бы, чтобы Ху Ю ушел от него, так как не хотел навлекать на этого ни в чем не повинного парня беду. Однако засомневался в своем решении.

Найдя кусок голубой бронзы, Цин Шуй приступил к очередной поделке. Думая об ожерелье для жар-птицы, Цин Шуй добавил еще бронзы в заготовку из серебристой глины, чтобы сделать большой, но в то же время тонкий ошейник.

«Черт. Ну и размерчик у моей птицы. Я даже не знаю, как ковать-то этот ошейник».

Цин Шуй шаг за шагом соединял кусочки бронзы, добавляя все больше материала. Ему пришлось закрыть дверь в магазин, чтобы никто его не беспокоил. С помощью первобытного пламени он выплавлял из металла все примеси, оставляя только самую суть. Так прошло много времени.

Наконец он вылил жидкий металл в заготовку и принялся орошать еще несформированный ошейник энергией Ци Древней Техники Усиления, терпеливо ожидая, когда бронза остынет и затвердеет. После чего Цин Шуй, несмотря на то, что бронза была еще обжигающе горячей, вынул ее из формы. Ширина ожерелья была всего в четыре пальца. Поместив его на платформу, он начал мастерски ковать.

После множества попыток, Цин Шуй уже ухватил самую суть кузнечного дела. Он в совершенстве овладел Техникой тысячи ударов молотом. Однако такую большую вещь он ковал впервые. Поэтому процесс был не совсем гладким. Все, что он ковал ранее, были небольшие предметы, самые длинные из них были мечи. Удар за ударом, Цин Шуй смотрел на ошейник, постепенно обретающий форму. Скорее всего, он едва ли сможет использовать тысячу ударов, как в случае с мечами или сапогами. Да и последние тоже претерпели не больше ударов, ведь все, что было за тысячей ударов, можно было скорее назвать закалкой, а не ковкой. Так что сапоги его были сделаны с помощью Тысячи Ударов и сотней ударов полировки.

Выбросив из головы все лишние мысли и подсчеты, Цин Шуй принялся тщательно работать над ошейником, надеясь прийти к божественному уровню. Однако чем больше он думал об этом, тем больше дела шли не по плану. Он не смог войти в нужное медитативное состояние, он даже не был уверен в количестве ударов молотом, но надеялся, что их было около 1050.

Бронзовый ошейник вышел красивым, с зеленоватым свечением, без дополнительных рисунков и узоров.

Цин Шуй подумал, вот было бы здорово овладеть какой-нибудь техникой ваяния по металлу, которая бы увеличивала силу предметов.